

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1971 / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-107279-7

Бывший омоновец и снайпер Михаил Карпов так и не сумел выбраться из прошлого, куда странным образом попал в результате автомобильной катастрофы в 2018 году. Он с сожалением вспоминает об Интернете, мобильных телефонах, о «мерседесах» и «лендкрузерах», о свободном перемещении по всей планете. Он тоскует о своей семье, о жене. Правда, здесь, в 1971 году, в стране, которая называется СССР, живут его молодые родители и его любимый дед. Но Михаил пока не отваживается даже издалека посмотреть на своих родственников, ведь теперь он старше своих родителей. Все свои силы и знания он решает отдать на борьбу за сохранение Советского Союза. Кроме того, он считает своим долгом уничтожить всех известных ему серийных маньяков-убийц, в первую очередь тех, что нападали на детей. Для осуществления таких планов нужны значительные средства, но зарабатывать на жизнь он и здесь уже научился – романы писателя-фантаста Михаила Карпова расходятся в СССР огромными тиражами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е. В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107279-7

Пролог

Меня всегда удивляло — вот как можно было сделать *такую* машину?!

Сиденья — будто в кашу проваливаешься! А руль? Почему руль у «Волги» смотрит криво? Точнее, не руль, а рулевая колонка. Да, она смотрит куда-то вбок, и ты автоматически стараешься устроиться на сиденье так, чтобы руль был направлен к тебе, как положено. То есть чтобы рулевая колонка смотрела тебе точно в живот. Или в грудь — если ты карлик. И тогда приходится устраиваться на сиденье немного... боком.

Вначале этого не замечаешь, но в один прекрасный момент ловишь себя на том, что сидишь криво, сикось-накось, и желаешь конструкторам автомобиля всевозможных мучений и страданий, телесных и душевных. А еще вспоминаешь все те машины, которые были у тебя в другом мире: иномарки, российские — все машины, которые имели руль и не имели на подвеске и следа тавотниц, которые после каждого дождя надо наполнять литолом, иначе машинка быстро откажется ехать.

А расход?! Ну, черт подери, почему она столько жрет?! Понимаю, четыре передачи, вес полторы тонны, но все-таки! 12—16 литров по трассе — да

вы не охренели?! Ладно хоть в этом времени бензин стоит копейки, а я не самый бедный в этом мире человек, а то бы взвыл!

Для 1971 года «Волга» — это как в моем 2018 году какой-нибудь новенький «Лендкрузер» либо «Гелендваген», а может, и того покруче. Особенно если «Волга» черная.

Но у меня «Волга» не черная, а бежевая, и не моя, а моей подруги Зины, врача областной психиатрической лечебницы, а ей досталась от покойного мужа, начальника областного уровня.

Я долго думал, стоит ли мне это делать. Ведь эти люди... Нет, не люди — эти твари! Кроме как тварями их назвать нельзя! Ведь эти твари пока ничего не совершили.

ТЬФУ! Опять не так! Они ЕЩЕ НЕ УБИЛИ! А совершать-то насвершали. Например, Сливко уже «совершает эксперименты», подвешивая в петле подростков. А Чикатило, например, пристаёт к мальчикам и девочкам.

Педофил — разве должен жить? Чикатило начнёт убивать в 1978 году. И первой жертвой станет Лена Закотнова, которую он заманил в мазанку и там задушил. Я помню. Я все помню! Спасибо моей подруге Зине, которая раскрепостила мою память специальными упражнениями и лекарствами, с применением гипноза. Все, что я видел в своей жизни, все, что читал, — помню.

Как так может быть — не знаю и не понимаю. Психиатрия для меня — лес темный. Я всего лишь вояка, снайпер... бывший снайпер. А еще — писатель-фантаст средней руки, каким-то чудом перенесшийся в 1970 год. Вот теперь и пытаюсь здесь

выжить. И не просто выжить, а хоть немного исправить то, что можно исправить. Например — уничтожить маньяков, которых потом, в будущем, долго и трудно искали правоохранительные органы.

Кстати сказать, за Лену Закотнову приговорили к расстрелу другого человека — Александра Кравченко. Нет, Кравченко не жаль — он был мразью и сидел в свое время практически за аналогичное преступление. Но это ведь не он убил Закотнову! Хотя споры о том, он убил или не он, ходили еще очень долго. И ходят — в моем 2018 году.

Зная, что могу спасти столько людей, — какое право я имею на то, чтобы устраниваться, чтобы жить своей жизнью? Чтобы наслаждаться вкусной едой, спать с красивой женщиной, кататься на «Волге» и купаться в Волге? Зная, что в скором будущем подонки повесит мальчишку в петле и будет снимать на камеру, как ребенок в муках умирает, — как я могу спокойно жить? Я ведь русский мужик. Защитник. Воин.

Что бы потом ни случилось со мной — я сделаю это. И Зина меня поддерживает. Говорит, что в крайнем случае, если я попадусь, — она приложит все усилия, чтобы меня вытащить. Все-таки она психиатр с мировым именем, пусть даже и моя сожительница. Да и денег у нас хватает, а деньги и в этом времени могут решить большие проблемы.

Поэтому, как только наступила весна, сошел снег, показалась зеленая травка, я сел в машину и отправился в Ростовскую область.

Глава 1

— Ау! Есть кто-нибудь?! Ау!

Гулкое помещение, больше похожее на тоннель, откликнулось недолгим эхом. Две тусклые лампочки светились на стене, подсвечивая столы, стоящие поперек тира, и потрепанные мишени, висящие перед мешками с песком. За мешками — стальные пластины, за ними — стена. Безопасность превыше всего! И никаких тебе электрических прикамбасов вроде подъезжающих и отъезжающих мишеней и всякой такой сложной лабуды. Нормальный тир, такой же, как те, из которых вышли многие и многие мастера спорта и даже чемпионы — по всей стране. Ведь рыбаку что нужно? Удочка и река. А стрелку — мишени, огневой рубеж и винтовка. Ну... или пистолет. Или револьвер.

Кстати, люблю стрелять из спортивного револьвера! Такая классная штучка — просто сам просится в руку! Точность боя — исключительная. И не дает осечек. Не зря в книге «В августе 44-го» герои предпочитали использовать наганы. Спецы, точно!

— Вы что-то хотели?

Я обернулся. Передо мной стоял мужчина моего возраста — лет пятидесяти. Худощавый, средне-

го роста — ниже меня как минимум на полголовы. Глаза серые, внимательные. Выправка военная. Скорее всего, из бывших... Может, даже и поучаствовал. Где? Да мало ли где... мог и войну захватить — пацаном. Мог и в Корее, мог во Вьетнаме. Да много где еще мог — наши спецы по всему миру шастают, военные специалисты. И только изредка вылезает информация, что кто-то из наших засветился в каких-нибудь анголах. Мы ничем, по большому счету, не отличаемся от американцев, сующих нос туда, куда надо и куда не надо. Особенно — куда не надо. Потому такие люди, как я или как вот этот мужик, всегда будут востребованы.

Хм... и почему я сразу подумал, что он из вояк? Может, просто спортсмен, вот и выправка. Биатлонист какой-нибудь. Вот только шрам на левом виске — это что, от палки соперника? Нет, брат, я тебя сразу узнал. Ты такой же, как я! Только раньше...

— Пострелять хотел, — после заминки выдал я, чувствуя, как глупо звучат мои слова. — Как это возможно?

— Теоретически? — Глаза мужчины чуть прищурились, и в них я увидел пляшущую смешинку. Похоже, что тип еще тот... ехидный!

— Практически, — улыбнулся я. — Мое имя Михаил Карпов, я писатель. Фантаст. Вот хотелось бы пострелять, чтобы, так сказать... воочию увидеть! Как и положено писателю! А то все пишу, пишу — боевики всякие, а сам и не стреляю. Непорядок! Поможете мне? Если надо — я заплачу!

Мужчина чуть нахмурился, и лицо его сделалось задумчивым. Потом брови его поднялись, он внимательно посмотрел мне в глаза и ответил:

— Ну... тут не базар, чтобы платить. Я заведующий спортивной секцией при городском парке. Писатель, говорите? Что-то не слышал такого писателя...

— Еще услышите, — ухмыльнулся я. — Если фантастику любите, конечно. Я начинающий. Так сказать, молодой писатель.

— Молодой? — Мужчина окинул меня взглядом с ног до головы, хотел что-то сказать, но передумал. Молча кивнул и зашагал в сторону мишеней, кинув через плечо: — Подождите здесь. Я мишени прицеплю. А потом попробуем.

Он щелкнул выключателем, и темный тоннель стал не таким уж и темным. Обычный старый добрый тир, и даже отапливаемый — вон вижу чугунные батареи по стенам. Зимой небось даже пар изо рта не идет. Крепкое здание.

Мужчина передвинул стенды на двадцатипятиметровую отметку, из чего я сделал вывод, что сейчас будет пистолет. Вряд ли револьвер. А жаль. От револьверных пуль в мишени такие красивые, аккуратные дырочки получаются! Любо-дорого смотреть!

Переклеивать мишени он не стал. Он обводил отверстия на мишенях то ли авторучкой, то ли химическим карандашом. Ну что же — «экономика должна быть экономной»! Чтоб ему ни дна ни покрышки! Нет, не стрелку — Мише Меченому. Это он все бормотал про экономику.

В общем, старая практика: если мишень не сильно избита, зачем менять на новую? Отметил старые дырки, да и пали себе на здоровье — не на соревновании. Это на соревновании после каждого

выстрела в некоторых упражнениях меняют мишень. Почему? Да потому что есть ухари, которые все пули сажают ровно в десятку! В центр! И если пуля пролетит в старую дырку — кто зачтет выстрел? Можно сказать, что и мимо мишени пальнул. Вот чтобы такого не было — мишени меняют. Ну а здесь не тот случай.

— Готово. Я сейчас! — Мужчина прошел в дверь, откуда раньше вышел, и вернулся с деревянным чемоданчиком. Или кейсом, если уж «научно» выражаться. У меня даже сердце захолонуло — такой знакомый чемоданчик! Все там есть — шомпол, масло, протирки. Ну и пистолет, само собой. Пистолет Марголина. Самый мой любимый пистолет. Есть лучше, есть хуже, есть совсем крутые, в слоновой кости и золоте-серебре, но вот этот — черный, вороненой стали, пахнущий щелочной смазкой пистолет — моя юношеская любовь. И нынешняя.

Мужчина щелкнул застежками кейса и привычным движением извлек пистолет. Положил его на стол на огневом рубеже, рядом — магазин без патронов. Положил пачку патронов — желтых, целевых. Я про себя даже усмехнулся — не пожадничал! Целевые дал! У них осечек практически не бывает и бьют точнее. Уже и не помню, за счет чего, — вроде как даже заряд пороха чуть больше, да и отмерен он тщательнее. Особо не интересовался. Знаю только, что стоят они гораздо дороже обычных «черняшек».

— Пробуйте! — невозмутимо сказал мужчина и отодвинулся в сторону, давая мне подойти к столу. Я и подошел. Рифленая рукоять «марголина» лег-

ла в руку как влитая. Ну как же красив этот пистолет! Как он совершенен! Я, когда увидел его впервые, сразу влюбился в него. Вот такими и должны быть пистолеты, не то что эти обрубки вроде «макарова» или «глока». Ни эстетики, ни красоты.

Руки вроде как сами по себе уцепили пачку патронов, высыпали их на стол. Заряжание магазина прошло быстро — руки-то помнят!

Щелк! Вот магазин и в рукояти.

Щелк! Предохранитель.

Затвор назад, пистолет смотрит вверх на согнутой в локте руке. И совершенно автоматически, не думая, доложил:

— К стрельбе готов!

И чуть язык себе не прикусил. Болва-а-ан! Ну вот въелось это в кровь, и все тут: «На огневой рубеж — шагом марш!.. Заряжай!» — «К стрельбе готов!» — «Огонь!»

Но мужик ничего не сказал, кроме... «Огонь!»

И я забыл обо всем, кроме ощущения рифленной рукоятки в руке, кроме запаха сгоревшего пороха (обожаю этот запах!), кроме зеленой мишени, ожидавшей, когда из моей руки вылетит пуля. Да, именно руки — потому что пистолет стал ее продолжением. Я будто киборг, а пистолет врос в мою руку, вошел в плоть, стал частью меня.

Я не использую спортивную стойку — левую руку назад или в карман, правая вытянута, медленно опускается до уровня мишени. Эту стойку из меня выбили давным-давно, еще в учебном центре. Теперь только так — двумя руками, слегка полуприсед, и... бах-бах! Двочка в корпус! Бах-бах! В голову! Еще в корпус! Еще в голову! Щелк, задержка.

Хотел крикнуть: «Стрельбу закончил!» — но осекся. Промолчал, замер с пистолетом в руках. Хозяин тира слегка, уголками губ, улыбнулся и неожиданно сказал:

— Оружие к осмотру!

Сцука! Ну как это все знакомо, аж мороз по коже! Выдергиваю магазин, захватываю его правой рукой, прижимая к рукояти пистолета, жду. Инструктор кивает, берет пистолет у меня из руки. Молча, ничего не говоря. Щелкает, снимая затвор с задержки, и неторопливо укладывает пистолет в кейс. Кейс уносит, возвращается, кивает:

— Пойдем посмотрим, чего настрелял.

Иду за мужчиной, пытаюсь разглядеть освещенную светильником мишень. Ага... вот, вижу. Неплохо, что уж... в «голове» силуэта кучненько так, в пределах рубля (советского!), в «груди» — тоже примерно так, только разок чуть в сторону ушел, качнулся, наверное. Хороший спуск у этого пистолета, мягкий, легкий. Видать, отрегулирован хорошо.

— Пойдем поговорим... писатель! — хмыкнул инструктор, и я пошел за ним по направлению к двери. Забавно все-таки. Никакой тебе охраны, никаких особых средств защиты от террористов и всяких таких уродов. Ну вот захотел бы я занять стволы, жажнул бы мужику по балде, и бери что хочешь! Сколько унесешь! Ну да, могут и менты на выходе из парка проверить, но все-таки.

Комнатка была кабинетом заведующего секцией, а одновременно и чем-то вроде рецепшена перед входом в оружейку. Сама оружейка за стальной дверью — так просто и не войдешь. И, кстати сказать, ключи от оружейки скорее всего с собой му-

жик и не носит. Где-нибудь тут ныкает. Так что мои мысли о беспечности хранения оружия совсем не в тему. Да и что-то мне не верится, что мужика так просто можно жахнуть по балде. Взгляд у него — как у контрразведчика Смерша. И двигается, как боксер. Небось прежде чем выйти ко мне с пистолетом, семь раз меня оценил.

— Садись. — Мужчина указал рукой на потертое, но вполне чистое кресло. Сам сел на диван напротив. — Может, чайник поставить? Как ты насчет чая?

— Да можно и чайку, — не отказался я, чтобы не рвать протянувшуюся между нами нитку понимания. Нет ничего лучше для установления доверия, чем совместные посиделки за столом. Это с древних времен народ заприметил, говоря, как важно преломить хлеб с собеседником.

Инструктор кивнул, включил электрическую плитку, налил воды в чайник из крана в углу комнаты, поставил чайник на плиту.

— Скоро закипит, я не полный налил. Да и плитка мощная, чуть ли пробки не выбивает. Итак, писатель Михаил Карпов, говоришь, хотел увидеть, как пестик стреляет? — Мужчина ухмыльнулся и, откинувшись на спинку дивана, скрестил руки на груди. — Где служил? Ах да... забыл представиться. Сергей Аносов, полковник в отставке. Где служил я, не скажу. На пенсии теперь, вот ведаю стрелковой секцией. Ребятишек учу стрелять. Итак, где служил? Только не говори, что впервые взял пистолет в руки. У тебя все движения отработаны до автоматизма. А твои эти «К стрельбе готов!» выдают тебя, как стукачи партизана. Похоже,

что где-то в ментовке служил. Это там так изоц-ряются. Впрочем, еще в военном училище вроде училища «дубарей». Вэвэшников, в общем. Ты не его оканчивал? Да ладно, не обижайся — насчет дубарей. Всякие нужны, всякие важны. А стреляешь ты хорошо. Талант у тебя, я чую талантливых людей. Ну что молчишь? Расскажешь, зачем пришел и кто ты такой?

— Пострелять пришел, — пожал я плечами. — Захотелось вот потренироваться.

— Вот так просто — взять и потренироваться! — ухмыльнулся Аносов. — Тебе лет-то сколько? Сорок пять? Полтинник? Выглядишь ты крепким парнем. Ну и зачем тебе на пенсии стрелять? Небось так уже настрелялся — аж тошнит! Нет?

— Я не знаю, — начал я излагать свою легенду. — Я не помню, кто я такой и откуда взялся. Нашли меня на дороге, ночью, голого. Отвезли в милицию, потом сдали в дурдом. Там обследовали и пришли к выводу, что я нормальный. Вот только не помню ничего — кто я и откуда. В дурдоме познакомился с женщиной... врачом. Она взяла меня к себе жить. Паспорт мне выдали — не может же советский гражданин ходить по миру без паспорта и прописки. Еще в дурдоме я начал писать книги, и вроде как получается. Издают в Москве. Ну и вот захотелось мне пойти в тир и пострелять. Сам не знаю — почему. Ну... вот и все.

Аносов посмотрел мне в глаза — секунды три не отрывал взгляда. Только щурился. Потом пожал плечами:

— Всякое бывает. Лечиться не пробовал? Память возвращать?